

Первый тур

ФИО ученика (или шифр работы)			Класс		
K1 0-10-20-30	K2 0-5-10-15	K3 0-3-7-10	K4 0-3-7-10	K5 0-1-3-5	Итог
1 - 11 - 63			11		
28	15	10	4	5	65

Необходимые комментарии, пояснения, рецензия (если нужно):

Подпись проверяющего №1 (с расшифровкой)	Подпись проверяющего №2 (с расшифровкой)	Подпись председателя жюри (с расшифровкой)
Ильин / Кирсанов Е.Г.	Ильин / Кирсанов Е.Г.	Ильин / Кирсанов Е.Г.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2016–2017 учебный год

Региональный этап. Первый тур

11 класс

Шифр
1 - 1 1 - 6 3

Количество баллов
65

Нам говорили, что хороши будут быть наши дети, а мы теперь говорим, что хорошо были и мы...

М. Иванецкий

Нам говорили, что в жизни главное — искренние ориентиры. Отличать "хорошее" от "плохого" научила нас школа родителей, потом — педагоги... О том, как важно держаться светлая, воспитывать в себе любовь к настоящему, сидеть вечною идеалам, все русские митернера. Страшной глубиной может стать для человека потерянный верного курса, подмена истинных ценности ложными. О таком подуме и пишет Ю. Трифонов.

Сергей Иванович и Клавдия Чикиоровцев, главные герои рассказа „Толбухине гибель“ — скрипки. Это люди, исполнительское влечение, прошедшие войну. Живут они просто, их бои и любовь не отличаются от боев обыкновенного советского человека: они умелись от огня, вытащив из огня припасы („киевы“ и „кисию капусту“); но вскоре Сергей Иванович „вспоминает постулаты“ (играет в долине) а Клавдия Чикиоровца — в соседке в дурдочки перекинутые. Дело их живёт в „Муринске“, пишет редко“, „Сон поиск на войне“. В стариках сидят шива память первоначальных лет, они помнят, как войну переживали, и потому верят в общуюность людей, не обособленную от внешнего мира, умеют сострадать, трогательного забытейши др.

друге, понимают ценность взаимопомощи. Для них не существует деления на "чужих" и "своих": бывшемуши Мариника, соседской "девочки лет девяти", нисколько не интересует, они погибли её с баранками, упавшим морковкой, стараются порадовать худенькую, хрупкую девчушку.

Решительно, что из всех людей, живущих в семействе даже за пределами в "стороне", Непогончик день идёт ^{и прибирает полы} к ^{также} приемлемым ^{рукам}. Тому - притягательное, привлекающее. Телефон в кароде, генуби - это будни ученических горячих начинаний людей. Дядя, Этот Генуби стал для старииков спутником и утешением, будто их есть среди вернувшихся. Он окрепнул, вознуждал их на зарах, оживлял, находит себе занюху, "Белую, как малютки киперъ", обзавёлся "помощником". Старички по-различно приближались к Генуби: Клавдия Никандровна по-матерински держала его, краине ему такую белую булику; а Сережа Иванович по-отцовски подмигивал на него ("Ну, как нам спасти её? Принесли бытие?", "Мы-то их помним, но-то их забыли, а они нас разорили хотят, подстрах нефести!"). При этом сердце к генубиному семейству и Мариника, даже не поправку погиб. Но Генуби день боялся их счастливого прохождения: Он хрупкую тихую радость разрушал новые шиной - Маринова. Они резко противостояли старичкам: "мистике", "романсе", "ханжам". Они чувствуют не в землянке - в избушке: Балбеса-сона потому что упалии лишились способности да бутербродаи; "нам нечего в журналах писать" и "Бесстыдные китайские чайки". Балбесское, озабоченное только материальными, они боятся никого и не способны от них огорчить

ни о правительстве, ни об эмиграции. Малоимущие совершили невинственное, это шамбелье и мещанство („Вы ум, то познанье, ваши птицы заберите. Это наша замечательская пра-ба. Я то лучше хотел обратиться к существенному. У, улодившись приветство, оно умна“). Капитуло субботу у них гости, виновка, изъяника не получую силу". У них нет ни легкого представления о счастье и здоровье от изменения с мещанами („каким лучше погане грязи он ей тоже спуску не дадим“), они привыкли думать („не бахчие пасынка Чернухова... и, не говори ни слова — раз! раз! раз! — откладывай парни по рукам...“), а Чернухова повернувшись Клавдия Никандровича и пригрозил не без глор: „... откажем именем земли с земляком“).

Несмотря на то что соседи живут в одном доме, в одном мире, между ними — про-тивность. Актар показывает два типа вы-
ления, где чистоплотные философии: учение и
желание бережи, сохранять, защищать, и хотят
присущее людям прошлого и чудотворное зем-
лищеское "создание и людей наследующих", нахо-
док и уверенном в собственной правоте. Их
противостояние, концепция, принцип комо-
рного — ганди, единение делает самой
две раздвинутые стороны рассказа.

Чернухов одновременно настороженно лицу старикам и глубокоуверенным. Или сум-
до понимания гармонии. Малоимущий продолжает артиллерийские воспоминания "ганди-
хой квартира из ногачки", его мама — пред-
вым стариков проверками. Но они, буде-
щие истинную превращение птиц, откаравших
от "раскоченном загородном аэропланчиков", 20-
тысячно, "вместе" не подбить ее каррице, или
однажды своих было забытое, не сдадут ее
последнему.

Перенесший мечтами "боязь" становителеи ареста Мариничевого отца, Борис Евченко же, за убийство человека. В новом мире, лице Борисова, человеческие чинчи не имеют значения. Сбрасывается ли, во ста времена и во это борьбы старики почтят даже не то. В человеке избран - "одна боязнь". Убийству и помнить это, Серый Иванович решает сдаться и идти на преступление против себя,璇а же идет - убийство замужей. Убив человека, Борис Евченковский был предано склон и дали убийств. Серый Иванович, совершив непоправимое, смирился, сдаётся: "погибёшь по звону", напоминаясь тому сильно перебираем ("громом руки"). Он не знает как откроется перед киванием Никандровского погребение человека, и не рассказывает ей ни о чём помимо, что она спасла его, забывшего чине.

Без замужей чинчи опустела, сделавшись одно. Находит и скучает: погибелим земли, мечты, то же ... Но отчего? Что же осознано было в этих мыслях?

Такую, "домашно-чинную" с разработкой отчёвов, становителеи не только смирили. Ненадежности, преданности, любви, но и смирили испытание уничтожения, сорванные в сознании избран, боровшихся за мир. Таких чинчи называли "отдавати". Тяжёлоб - это образ будущего общественного мира, будто он "умер отменил" после горна стакан". Которому так недовольно, даже трагично звучат слова Сергея Ивановича, где читается: "исли бы замужей, и еже промышли". Наиболее рассказана в подробном проктении расшифровке про то, "замужиние чинчи" - это искусственно созданное уничтожение первых чинчиков олицетворяя, их бесподобностью.

По санча страшнее, что произошло не тогда со испреклением старых чинчиков, но с тех самых

~~Были~~ делие новые. Гончарей станови "разводы",
но приказы", как учили - шесток, широких
безногих, потому что теперь "подает они сме-
ши, тоистое, перевалку", ленивый генер-
~~ль~~ ... где подает, где напада". Такие генеры,
исключенно, будут по духу нерусские или
шведские, в бордовик синегор и чешские от-
каз от "южного костюма" (чешское бурно-
вкусие), напоминающие ширпотребушки
из комедии Д.И. Фонвизина "Недороси" - это
же, не исключающее честности, подающее чест-
ноесть, честного, и не будут подавать
ниже их шведами, таким же бестолко-
вым, демотичным бабкам, как простако-
ва. В комедии XVIII века торжествует Мил-
травин, Стародуи - герой, воинствующий
"правду" честные: добруму, честности, но
"беса, ревуи", а вот в рассказе Трифонов
"поддубнички" оказывается Перунов.
И, конечно, после прочтения рассказа се-
манская Сибирь не спрашивала обиды, не-
зоданной и горечи во рту, если бы не одно
но: писательница Мария Жексельская, при-
несла Сергею Ивановичу "помятнический"
превод" где писатель "помятники кордник"
что бе-таки хотят какое-то прочтение забытое.
И, конечно форма, он, "умея закончивший институт
и работавший не предприятии", в будущем
сможет создать симпатии и возрастные земли
отличившим, что не на самом деле хоро-
ши", а это - "много". В этом случае, ка-
денце учирает насаждает...